

Рудольф Штейнер

**Национальное и действие Народной Души
в отдельной человеческой душе**

Из GA 174

Исторические рассмотрения. Карма лжи. Часть II

Пер. А.А. Демидов

ЛЕКЦИЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Дорнах, 7 января 1917

Именно нынешние рассмотрения событий времени позволяют по настоящему придти к осознанию того, чего мы можем достичь для нашей души благодаря тому, что пытаемся вжиться в духовнонаучное познание. Часто подчеркивалось, что духовнонаучное познание не остаётся теорией, оно должно оживать благодаря тому, что оно проникается свойственными для него целительными чувствами, ощущениями и иными импульсами, которые дают нашей душе известный подъем, известное настроение. Мы, будучи духовными исследователями, присоединяемся к общечеловеческим связям иначе, нежели те, кто делает это, не будучи духовнонаучным исследователем.

Мы приводили различные соображения о принадлежности человеке к той или иной народности, или, как говорят также в новое время, к той или иной нации или национальности. Существует общечеловеческое начало, то есть то, что несёт в себе каждый человек, без того, чтобы индивидуализировать, подразделять себя на ту или иную народность; оно полностью доводится до сознания посредством духовной науки, поскольку всё то, что является главным содержанием антропософски ориентированной духовной науки, представляет ценность для каждого человека, без каких-либо групповых различий. Если человек рассматривает национальные различия, национальную дифференциацию с точки зрения духовной науки, он тоже рассматривает её иначе, нежели в случае не антропософской точки зрения, он объективно учитывает то, на чём основана эта дифференциация. Эти вещи надо рассматривать объективно.

Мы сознаём, что наша душа дифференцирована на душу ощущающую, душу рассудочную или характера и душу сознательную; эти три члена наполняются, одухотворяются, оживляются посредством «я»-начала (Ichheit). Душа ощущающая является тем, что особенно подчинено влиянию итальянской Народной Души, если силы и импульсы Народной Души воздействуют на отдельную человеческую душу. Душа рассудочная или характера особенно восприимчива в отдельном человеке в случае французской Народной Души, душа сознательная – в случае британской Народной Души; «я» – в случае средневропейской Народной Души, тогда как Самодух особо восприимчив к Народным Душам славянских народов. Если мы знаем об этом, прониклись этим,

мы не должны больше соблазняться и выносить суждения так, как они часто выносятся в наше время.

Каждый, кто слышит эти вещи, до некоторой степени впадает в ярость по той причине, что он слышит: немецкий народ с точки зрения антропософски ориентированной духовной науки интерпретируется так, что его Народная Душа воздействует в «я». – Ошибка тут состоит в том, что такой человек считает это «я» чем-то более высоким, чем как если бы влиянию Народной Души подвергалась душа сознательная. Такие у него задатки! В духовной науки эти вещи рассматриваются одна наряду с другой во всей своей объективности. Народные Души имеют свои задачи, которые и состоят в этом воздействии. Но при этом воздействии Народной Души в человеческой душе мы должны всецело уяснить себе, что именно в нашу пятую послеатлантическую эпоху должно происходить определённое развитие. И в качестве первого члена этого развития должны были бы чувствовать себя те, кто имеет склонность к антропософски ориентированной духовной науке.

Посредством чего, собственно, воздействует Народная Душа на человеческую душу, нрав, характер? Если мы рассмотрим то, что происходит в этом отношении с человечеством, каким оно является теперь, мы должны сказать: воздействие Народной Души в индивидуальной человеческой душе, прежде всего, бессознательно, оно поднимается вверх в сознание лишь частично. Человек чувствует свою принадлежность к тому или иному народу; главным образом воздействие Народной Души на индивидуальность человека осуществляется на окольном пути, связанном с материнским принципом. Материнский принцип вырастает в народную душевность (Volksseelentum). То, что человека, как физически-эфирное природное существо, в наибольшей степени вырывает из группового начала, является воздействием отцовского импульса. Я часто говорил вам на эту тему в предшествующие годы. Для христианского мировоззрения это выражено ещё в Евангелиях. Об этом тоже говорилось в прежние годы. В существенном, в соответствии с тем, как обстоят эти вещи сегодня, воздействие на человека производится, прежде всего, через кровь народа и посредством того, что в эфирном теле соответствует крови. Конечно, здесь мы имеем дело в большей или меньшей степени с животным импульсом; он остается на животном уровне для очень большой части современных людей. Человек принадлежит к определенному народу по своей крови. Какие таинственные силы и импульсы действуют в крови, было бы тяжело излагать в подробностях, поскольку эти импульсы чрезвычайно многообразны, многогранны. Но они заложены под поверхностью сознания.

Гораздо более осознано человек живёт во всём том, что живёт в нём как общечеловеческое без различия национального. Вот почему тот пафос, страсти, аффекты, сопровождающие у человека чувство его национальной принадлежности, выступают с известной стихийной силой. Человек не пытается придать цену логическим обоснованиям или суждениям, если речь идёт о том, чтобы определить или почувствовать свою принадлежность к его национальности. Кровь и сердце, которое находится под влиянием крови, соединяют человека с его национальностью, позволяют ему жить внутри национального. Импульсы, выявляющиеся здесь, бессознательны; многое достигнуто даже тем, если человек осознаёт этот бессознательный характер.

Именно в этом отношении важно, если человек, подступающий к духовной науке, сам проделывает некое развитие, если он по отношению к таким вещам чувствует себя иначе, нежели остальное человечество. Если человек, не связанный с духовной наукой спрашивает, как он связан со своей национальностью, то мы должны будем сказать: через кровь! Это единственная идея, которую они могут создать относительно принадлежности к своей национальности. Сторонник духовной науки должен постепенно подходить к тому, чтобы давать себе не этот ответ, но другой. Если он не сможет постепенно развить себя к такому другому ответу, значит, он воспринял духовную науку лишь теоретически, а не в собственном смысле практически и живо. Если тот, кто не является последователем духовной науки может дать себе только такой ответ: через мою кровь связан я с моей национальностью, благодаря крови обороняю я то, что живёт в национальном, благодаря моей крови чувствую я обязанность идентифицировать себя с моей национальностью, - последователь духовной науки даст себе другой ответ: из-за моей кармы я связан с этой национальностью, ибо она есть часть моей кармы. - Как скоро человек вводит понятие кармы, он одухотворяет все отношения такого рода. И в то время как у того, кто не является приверженцем духовной науки, относительно всего, что он делает как принадлежащий определенному народу, кровь вызывает пафос, импульсивность, тот, кто проделал духовнонаучное развитие, будет чувствовать себя связанным с тем или иным народом посредством своей кармы.

Тем самым это дело одухотворяется. Внешне может происходить то же самое, внешне человек может, если он чувствует одухотворение, делать то же самое; но внутренне вещи будут одухотворены, и он будет чувствовать совершенно иначе, нежели тот, кто чувствует свою принадлежность лишь на животном уровне.

Тут вы видите тот пункт, в котором принадлежность к духовной науке делает душу несколько другой, вносит в душу иное настроение. Одновременно вы видите, насколько далеко общее сознание эпохи идёт позади того, что могут осознать прислушивающиеся люди. Общее сознание эпохи не может понять ничего другого, как только принадлежность человека к национальности посредством крови, или посредством того, что хотя и очень мало связано с кровью, но организуется в связи с кровью, и на основе того же воззрения на кровь. Если же все эти дела рассматриваются как обстоятельства, связанные с кармой, имеет место значительно более свободное понимание этого дела. Тогда всплывают более тонкие понятия для того, кто более сознательным образом примыкает к той или иной национальности, благодаря этому происходит перемена направления кармы.

Но поскольку мы принимаем вещи так, - будь это в несовершенной форме, в которой может их чувствовать сегодня большая часть человечества, будь то в более совершенной форме, в которой можно их почувствовать, будучи принадлежащим к духовной науке, - остается в силе то, что вследствие общих мировых условий человечество сегодня дифференцировано на группы. И ничего не может быть для нас больнее, как доводить до сознания то современное обстоятельство, что эта групповая дифференциация сегодня ещё существует, причём в высшей мере. При этом такая групповая дифференциация смешивается с совершенно другими отношениями и фактами, затрудняя для

человеческих душ внесение ясности в вопрос: почему столь болезненное противоречие столь болезненная дисгармония наступила для человечества, как это имеет место теперь.

Короче, в том, к чему мы прикоснулись, заложено нечто трагическое; тут нельзя иметь дело с обычной логикой, с внешними поверхностными суждениями; понимаем ли мы эти вещи как связанные с кровью, или с кармой - кровь лежит внизу, а карма - поверх логического. Поэтому вследствие того, что бросается в глаза, в общественной жизни людей с необходимостью следуют конфликты, и эти конфликты надо понимать как нечто необходимое. Верить в то, что судить об этих конфликтах можно, используя те же самые понятия, которые правомерны между отдельными людьми, ведет к большим ошибкам; большая ошибка заключается в том, что сегодня в широчайшем объеме о конфликтах между народами говорят так, как будто это конфликт между людьми, как будто речь идет о конфликте между человеческими индивидуумами. Я уже обращал внимание на это: такие понятия как право и свобода применимы по отношению к отдельным человеческим индивидуальностям: применять их в качестве программных пунктов для народов заранее означает ничего не знать об особенностях народного элемента, не иметь воли для усвоения отличительных особенностей народности.

Для тех, кто видит эти вещи, кто на основе духовного познания в состоянии замечать конкретные природные необходимости, вера, которая сегодня выявляется во многих публикациях, совершенно подобна вере акулы, которая говорит: я хочу заключить соглашение с маленькими рыбками, которых я обычно пожираю! Ведь это бесчеловечно, негуманно - пожирать маленьких рыбок; надо с этим завязывать! Тем самым акула подписала бы себе смертный приговор, ибо в мире так уж устроено, что акулы пожирают маленьких рыбок!

Надо как можно более основательно почувствовать, что нельзя понять мир, если не видеть в реальности необходимость конфликта, который ведет к трагическим событиям в мире. Это одновременно означает, что особенности физического мира вообще нельзя понять, если считают, что внутри физического плана может быть нечто подобное раю. Рай существует не на Земле. Непонимание с необходимостью должно господствовать у тех, кто хочет на физическом плане сделать реальностью новый Иерусалим как некую утопию, или в качестве социал-демократа хочет установить какое-либо иное удовлетворяющее всех состояние. Существует один глубинный закон, что человек, пока он живёт здесь, на физическом плане, может прийти к удовлетворительному пониманию мира только тогда, если он осознает, что есть высшие миры, что он со своей душой связан с этими высшими мирами. Только если мы знаем, что являемся гражданами высших миров, возможна удовлетворённость. Поэтому с погашением духовного сознания человечества наступило время, когда не могут больше понять, почему здесь в этом мире, так много бед, так много конфликтов. Разрешить эти конфликты можно будет лишь тогда, когда человек будет живо чувствовать себя не только в физическом, но и в духовном мире. Тогда начнут понимать: как не может человек быть всё время молодым, но должен стареть, так должно сноситься то, что построено, что одновременно сопряжено здесь с возникновением конфликтов, разрушений. Если это понимают, то понимают и то, что между

группами людей должны возникать конфликты. Эти конфликты вносят трагизм в мировую историю, и, как нечто трагическое они должны пониматься.

Для того чтобы правильным образом поставить перед вашей душой живое понятие, живую идею, как я себе её представляю, мне хотелось бы вспомнить одно горькое высказывание, сделанное поэтом *Фридрихом Геббелем*. Геббель был гением несколько тяжеловесного вида, который продуцировал с трудом, несмотря на богатый мировой юмор. Я уже сообщал вам, что он не очень далеко отстоял от духовнонаучного понимания мира. Он, например, как сюжет в своей записной книжке поместил такую запись: перевоплощённый Платон сидит как ученик в гимназическом классе, где учитель разбирает именно Платона; ученик ничего не понимает в том, что содержится у Платона, из-за чего возникает столкновение с профессором. Эту идею Геббель хотел обыграть драматически. Это ему не удалось; но видно, что его влекло воспроизведение идеи реинкарнации в виде драмы. Геббель был знаком с Грильпарцером, который был его современником. Геббель был, как сказано, несколько тяжеловесным, «тяжелокровным» гением; просмотрев драмы Грильпатцера «Золотое руно», «Горе тому, кто лжет!», «Мечта жизни» и другие, он говорил, - и это самое интересное: «Грильпатцер изображает трагические конфликты, но такие, при которых всегда можно сказать, что если только человек весьма умён, если он видит ситуацию насквозь, конфликт, в конце концов, может быть заглажен, уравновешен». По Геббелю у Грильпатцера трагизм возникает оттого, что люди недостаточно умны, чтобы увидеть этот трагизм. Однако настоящий трагизм состоит не в этом; настоящие трагические отношения между людьми могут возникнуть и тогда, когда участники умны и осмотрительны насколько это можно, но, ни их ум, ни осмотрительность им не помогает; конфликт должен состояться.

То, что рассматривает Геббель как драматург, то, что он называет по существу трагическим, мы должны в качестве категории, в качестве понятия ввести в человеческую эволюцию, в собственно человеческое начало, иначе люди будут всегда приходить к ограниченным суждениям, где то или иное отрицается. Разве можно отрицать такие вещи, если они приводят к таким конфликтам, как современный? И вся демагогия о понятии вины, смещаясь, исключается в случае проникновенных суждений.

Рассмотрения, которые мы проводили в последние недели и дни, я предпринимаю для того, чтобы стало ясным, что даже по отношению к таким явлениям, как опиумная война (*война, которую Англия вела с Китаем в 1840-41г за право ввозить в Китай огромное количество опиума, что привело к социальной деградации в Китае, см. том 173 - примеч. перев.*) не следовало бы говорить в смысле вины, как говорят о вине в отношениях человека к человеку, отдельного человека к отдельному человеку. Ибо эти понятия: вина, свобода и так далее, которые можно употреблять по отношению к отдельному человеку, неприменимы по отношению к душам, живущим на других планах, а Народные Души живут не на физическом плане, но лишь действуют на физическом плане посредством индивидуальных душ; они имеют своё местопребывание в других сферах, на других планах.

Эти вещи сегодня будут чувствоваться отдельными людьми. Однако этих вещей не понимают, если с теми понятиями, которые сегодня в ходу, хотят судить о событиях, а не пытаются рассматривать фактическое положение дел. В том, что выставляют себя сегодня как представителя какой-либо национальности, а о других национальностях судят так, как можно судить лишь об отдельном человеке, выявляется ни что иное, как отсталость в способности вырабатывать суждения. Правда то, что в наиболее страшных исторических документах, вызвавших бесконечные потоки крови, говорит невежество, отсталость, известные государственные деятели стоят за этой отсталостью; сегодня можно признать в этом историческую необходимость. Но, с другой стороны приходит то, что для желающих слышать всё снова и снова следует подчёркивать: для того, чтобы идти дальше ради прогресса и блага человечества, надо извлекать суждения из спиритуальной жизни.

Однако кое где чувствуют, что необходимо сейчас для суждений. Только довести до сознания это не удаётся. Ведь духовная наука только тогда перейдёт в нашу духовную плоть и кровь, если мы будем с точки зрения духовной науки рассматривать внешнюю повседневную действительность; вот пример. В Англии в семидесятые, восьмидесятые годы 19 столетия действовал историк, профессор Сили — (*Seeley, Джон Роберт, 10.IX.1834 13.I.1895 англ. историк; один из первых представителей английской имперской историографии - примеч. перев.*) Его учение во многом определило то, что позднее жило в душах многих людей. Сили, возможно, является первым английским империалистом на уровне истории, - историк в качестве империалиста, империалист в качестве историка. Ведь он рассматривал британскую историю в её развитии на протяжении столетий, рассматривал с той точки зрения, что она имела тенденцию к основанию великого всемирного британского государства, которое сегодня занимает одну четвертую часть населенной Земли. В его лекциях, которые были напечатаны в семидесятые годы, и выдержали много изданий, - были годы, когда каждый год появлялось новое издание, - он исходит из того, чтобы сопоставить все отдельные факты, вследствие которых Британская Империя стала тем, чем она является сегодня. Он видел нечто подобное Божественному Промыслу в том, что отдельные части соединялись по причине тех или иных импульсов. Он ставит вопрос: как, в сущности, всё это произошло? - и настоятельно отвечает: не было таких людей, которые решали бы всё это, которые в определенное время делали бы нечто, чтобы присоединить к Британской Империи ещё один кусок с намерением создать Империю самого большого размера, - таких людей не было; но всё это происходило в более ранние времена на инстинктивном уровне. Все эти отдельные части инстинктивно соединились, и в этом соединении, - по мнению Сили, - заложен божественно-духовный порядок. Сейчас, говорил он, нашей задачей является: то, что до сих пор происходило инстинктивно, поднять в сознание, и то, что создавалось инстинктивно, округляя, достроить до прочной, никогда ещё в мире не существовавшей Империи. Свою задачу как империалистического историка он видел именно в том, чтобы проникнуть сознанием то, что объединялось бессознательно. Сили, в некотором смысле, хочет поднять до современного сознания пятой послеатлантической эпохи то, что содействовало возникновению британского империализма, исходя из

ещё атавистических сил в соответствии с законами четвёртой послееатлантической эпохи. Однако мы указывали на то, что тут имеет место не только рассудочное, разумное мышление, которое охватывает это инстинктивное слияние частей. Нет, я должен был сказать вам, что в последние десятилетия 19 века некоторые тут принадлежали к оккультным течениям; они подходили к построению этой Британской Империи не с обычным сознанием, но с оккультным сознанием. Они перед своими душами, перед своими слушателями, перед своими учениками выставляли географические карты, которые показывали, что должно возникнуть, когда Британская Империя будет излучать свои силы на весь мир. В этих оккультных кругах сознательно была представлена идея: пятая послееатлантическая эпоха принадлежит людям, говорящим на английском языке. И в соответствии с этой точкой зрения предпринимались всякие подразделения, и организовывались всякие детали. Конечно, «имперский профессор» этого не увидел; но зато это увидели другие и сознательно направляли свои импульсы.

Об этом видении мы ещё поговорим; но то, что не увидели, проникает в человеческую натуру, в душу, некоторым образом творит там. Так в наше время возникает достойное внимания взаимодействие того, что, в некотором смысле, прокрадывается на оккультном уровне в подосновы и тянет за ниточки, и того, что, не будучи осведомлено об этих вещах, живёт впереди, на арене событий физического плана. Человек должен знать об этом, чтобы быть в состоянии правильным образом составлять суждение. Я уже сообщал вам в последнее время отдельные знаменательные факты, вещи из «Альманаха мадам де Тэб» и сходные с ними; вспомните, что я сообщал об этих вещах. Не затрагивая с какой-либо стороны партии, но чисто объективно: разве это не странная вещь, которая для тех, кто просто думает, даёт повод для размышления, а для тех, кто принимает к сведению спиритуальные связи, но требует большего, чем простое размышление, требует осмысления, принятия предмета в свои импульсы, - разве это не странно, что ещё в девяностые годы 19 века появилась одна английская книга, авторами которой были три редактора «Таймс», книга под заглавием: «Война в 189...»? Временной промежуток, бросающийся в глаза, был установлен тут несколько дилетантски. Имелась в виду нынешняя война, только её хотели назначить несколько раньше. В этой книге допущена маленькая ошибка, а именно там рассказывается, что война должна была начаться из-за покушения на болгарского князя Фердинанда, и вследствие этого возник европейский мировой пожар. О деталях этого европейского мирового пожара говорится с удивительным провидением, говорится так, что главный ход событий, которые разыгрались, подтверждает это. Можно лишь сказать, что самой большой ошибкой этой книги является то, что болгарский князь Фердинанд перепутан с австрийским эрцгерцогом Францем Фердинандом, и дело происходит не в Софии, но перенесено в Сараево. Однако я полагаю, не следует недооценивать значительности того, что книга эта появилась в 1892 году и таким удивительным образом отобразила грядущие события. Если пытаются не строить абстрактных суждений, но строить свои суждения на основе того, что есть, только тогда приходят к тому, чтобы развить способность немного заглядывать в конфигурацию этого дела.

Конечно, те, кто мог кое-что видеть относительно событий, которые должны были произойти, в отдельных подробностях сдвинули то или иное, - так всегда происходит, когда говорят о таких вещах. Не всегда всё видят точно. Однако наводит на размышление то, что все-таки имелись люди, имевшие столь много побуждений заниматься такими вещами, и даже доходить до публикаций на эту тему. Я хочу предоставить это вам лишь для того, - причем именно в той связи, в которой мы находимся, - чтобы вы могли заострить на этом способность суждения. Действительно надо иметь волю к тому, чтобы видеть факты, видеть факты в связи друг с другом. В более ранних рассматриваниях, проведенных здесь, я говорил: человек правильным образом идет в ногу с пятой послеатлантической эпохой только тогда, если он с одной стороны, стремится к имажинации, а с другой стороны позволяет фактам говорить себе. Все предвзятые суждения будут все в большей и в большей степени становиться чистыми фразами, будут обречены на то, чтобы все больше и больше становиться чистыми фразами. Но менее всего посредством чисто абстрактного мышления, не допуская мышления связанного с фактами, можно выносить суждения о трагическом конфликте в мире, о трагической взаимной игре импульсов, которые действуют так, как я это характеризовал перед этим.

Сегодня, - можно сказать, - всемирно исторический трюк состоит в том, чтобы говорить очевидные вещи, действующие с убеждением на многих людей, но, в сущности, совершенно не показывать того, что дало бы основу для правильного суждения. Возьмём одно из таких суждений, которое часто высказывается: правители Британской Империи не хотели войны. - При этом приводятся соответствующие корреспонденции, телеграммы, письма и так далее, касающиеся всевозможных предложений на конференциях и чем-то подобном. Люди, судящие абстрактно, не в соответствии с действительностью, могут при таких обстоятельствах даже быть убеждены в этом, поскольку это дело в соответствии с существующим материалом, может быть представлено со всей убедительностью. Но в случае суждения речь не идет лишь о том, насколько оно убедительно, насколько оно с абстрактной точки зрения правильно, но о том, уживается ли оно с действительностью. То, что правители Британской Империи, - или, возможно, некоторые правители, которых это касалось, - не хотели войны, можно при случае очень легко доказать и произвести этим доказательством величайшее впечатление на весь мир периферии. Доказывая это, надо, - я говорю «доказывая», - дело не идет о непосредственной, заведомой неправде, хотя реальная ложь, всё же остаётся. Почему? Именно потому, что это правда, и может быть доказано как правда, эта правда не стоит даже мишуры, не в ней дело. Человек может быть убежденным в том, что правители Британской Империи даже препятствовали конфликту, насколько Британская Империя участвовала в нём. Однако то, чего хотят они достичь теперь посредством войны, они со всей энергией хотели и раньше, - то есть те, о которых идет речь. Если бы этого можно было достичь без войны, для них, разумеется, это было бы гораздо приятнее; заранее не исключалось достижение этой цели другими средствами, нежели война. Только для этого, перед тем, как пришла война, должны были создаваться какие-либо суррогаты международных учреждений, нечто

такое, где представители разных государств принимали бы решение об известных делах. Заранее позаботившись о приобретении большинства в таком союзе, можно было добиться своей цели без войны, если меньшинство шло на это.

Итак, вы видите: речь совсем не о том, хотел ли кто-либо вести войну или препятствовать ей; речь о том, что хотел кто-либо вообще. А то, чего хотели, будет ясно объективному наблюдателю; оно проистекает из различных пояснений, - это всегда лишь пояснения, - которые я делал. Но я всегда прошу вас при этом обращать внимание на то, что я не морализирую, но бросаю на чашу весов понятие трагичности; когда люди развязывают конфликт друг с другом, когда льётся много крови, это происходит из трагичности конфликта. Во всяком случае, здесь, если хотят рассматривать эту трагедию на внешнем уровне, надо иметь волю к тому, чтобы подходить к этому делу иначе, нежели подходит обычно.

Как часто звучит нам навстречу: виновными в этой войне являются те суждения, ощущения и чувства, которые распространили в немецком народе такие люди, как, например *Трейчке и Бернгарди*. - Для примера возьмём гротеск: как часто мы слышим, что эти имена называются как имена отъявленных авантюристов, слышим даже от людей, честнейшим образом убеждённых, что надо быть правдивыми. Порой иногда добавляется ещё и Ницше, иногда некоторые другие. Можно многому научиться, если рассматривать то, что, - я бы сказал, - лежит в основе «Царства правдивости» таких вещей. Однако, ещё перед тем как я начну рассматривать это со спиритуальной точки зрения - спиритуальному во многом можно научиться, рассматривая повседневное, - мне хотелось бы обратить ваше внимание на то, что именно в случае такого явления как немецкий историк Трейчке, перед глазами может выступить трагизм человеческого развития. Только не следует судить слишком внешне и поверхностно.

Если бы я судил слишком внешне и поверхностно, то, начиная с некоторого времени, поистине должен был бы считать Трейчке неким общественным монстром. Мне пришлось лишь однажды быть вместе с ним, в то время, когда он уже был совершенно глух. То, что ему хотели сказать, писали на клочке бумаги, а затем он отвечал. Когда меня представили ему, он спросил меня: Откуда Вы? Я написал ему, что я из Австрии. Он ответил: да, да - а он был крикун, хотя сам ничего не слышал, - австрийцы, они или гении, или негодяи, одно из двух, - и так далее. Так было у Трейчке всегда: если человек не желал причислять себя к гениям, он тут же получал, не правда ли, изрядный нагоняй. Человек, исполненный темперамента, имеющий известный вес, часто выражался, используя резко очерченные понятия. Он написал «Историю немецкого народа», которая многократно цитируется. Вы могли бы также цитировать её иначе, нежели цитируют обычно, ибо, если кто-нибудь из-за рубежа захотел бы собрать набор грубостей допущенных против Германии, он мог бы списать их у Трейчке. Но это упускают, в гораздо большей степени разыскивают то, что в значительно меньшей степени имеется как истины, которые Трейчке говорит своему собственному народу: разыскивают места, где он, как считают, писал в особенно «прусско-милитаристской» манере.

Я могу привести вам суждение, которое не безинтересно. Оно происходит от одного человека, который мог иметь суждение,

поскольку тоже был историком, и особенно интересовался существующей со стороны Трейчке антипатией по отношению к новой английской истории и развитию. Трейчке когда-то имел такую антипатию, она выступает очень скоро, как только вы знакомитесь с ним. Этот историк, который хорошо знал Трейчке, писал: негодование Трейчке по поводу современной Англии имело у него частично исторические, частично моральные основы; мировое господство Англии оскорбляло Трейчке как человека, оскорбляло своей аморальностью, своей дерзостью, своей претенциозностью. «Не без справедливости», - я прошу вас отметить это, - «не без справедливости описывает Трейчке английскую политику в 18 и 19 веках как последовательно направленную на то, чтобы низложить Пруссию, как скоро английские политики открыли истинную сущность этого государства и предчувствовали большое будущее, уготованное ему судьбой. Разве Англия не была в 1864 и 1866, а затем в 1870-71 и прежде всего 1874-75 способным на предательство, хотя и трусливым врагом Пруссии?»

Так говорит этот историк, обсуждая антипатию Трейчке по отношению к Англии. Сильнейшее, что он приводит в пользу Трейчке, - это «убеждение, что английское мировое господство никак не соответствует ни реальной силе Англии, ни её действительной ценности в политическом, социальном, интеллектуальном и моральном направлении». Он говорит далее: «Его отвращение является негодованием по поводу Гумбурга...То, что Германия ненавидит в Англии - то же самое, что ненавидел в Англии Наполеон - надменная, дерзкая, мелкобуржуазная самоуверенность, которая в действительности ни в коем случае не является патриотизмом или высокой, серьёзной любовью к отечеству, как немецкая в 1813 и 1870, но лишь астенической, островитянской любовью к себе... Ведь в сущности об этом говорится в песне «Правь Британия» Он продолжает: «Но Трейчке редко шутит, часто, хотя и непреднамеренно предаётся чувству обиды. Он столь же неспособен, как и Гейне», - которого историк из Англии приводит вместе с Трейчке, - «увидеть что-либо прекрасное в английском характере».

Это тоже суждение о Трейчке. И поскольку мы говорим именно об этом историке, я хотел бы привести ещё одно его суждение, которое он высказал о столь одиозном Бернгарди: «Эта книга», - говорит он, - а книга, о которой он говорит, всегда теперь цитируется как особо отталкивающая книга, - «которую называют действительно эпохальной, является определенной попыткой немецкого офицера, не только уяснить себе, как Германия могла бы вести войну с Англией с перспективой на успех, но и почему она должна вести такую войну».

Всё это пишет о Трейчке и Бернгарди английский профессор Крэмб, которого, судя по его точке зрения, можно было бы назвать английским «Трейчке». Тот, кто вникнет в это дело, найдет между всею тональностью Трейчке и Крэмба исключительное сходство, так как Крэмб, в то же самое время от всей своей души даёт понять, что в мире должна господствовать Британская Империя, что всё должно быть сделано для того, чтобы Британская Империя пришла к мировому господству. Можно сказать, что он говорит об Англии ни что иное, чем Трейчке - само собой разумеется, с отличием английского от немецкого, - говорит о Германии. Тут мы видим, как из двух людей,

каждый из которых со своей точки зрения должен был бы говорить противоположное другому, по крайней мере, один, может воздавать другому честь. Он в действительном смысле зашел так далеко, что ради сверхиндивидуального, исторического, отбрасывал то, что и следовало отбросить.

Поэтому то, что сейчас даже в самых наиважнейших документах господствуют ошибочные суждения, есть необычно печальный рецидив, отбрасывающий человека назад. Не надо ходить далеко, но нужно только иметь, я бы сказал, чутьё – которое однако, можно поддерживать сегодня лишь благодаря какой-либо связи с духовной наукой – чутьё, чтобы отыскать то, что верно; и тогда истину можно схватить руками. Конечно, это всего лишь гротеск, если, после того как на протяжении столетий существовала русская программа по овладению Дарданеллами и Константинополем, и эта программа признавалась, в то же самое время говорят: мы невиновны, в высшей степени невиновны! – Опять-таки, мы имеем сочетание такого вида: мы в высшей степени невиновны – хотя мы хотели кое-что захватить, несмотря на это мы в высшей степени невиновны – и в исторических документах высшего ранга, которые в последнее время вышли в мир, мы имеем тот царский указ. Но вы видите, в России люди тоже не всегда судили так, как сегодня.

Например, в 1910 году появилась книга Куропаткина «Задачи русской армии» В этой книге есть одно замечательное место, которое, я бы сказал, должно немного отрезвить головы тех, кто говорит о полной невиновности России. Там стоит: «Если Россия не перестанет вмешиваться в дела, чуждые ей, и в тоже время связанные с ближайшими жизненными интересами Австрии, то можно ожидать, что в 20 столетии из-за сербского вопроса разразится война между Россией и Австрией». Это говорит в 1910 году русский генерал Куропаткин, который, конечно представлял себе, что со стороны России из-за сербского конфликта может привести к войне с Австрией.

Возникает вопрос: откуда это сегодняшнее искажение истины? Просто оттого, поскольку не могут без чего-то дальнего говорить истину, а сказать что-то всё же нужно. Вчера я уже указывал на это. Вещи, которые высказываются, высказываются для того, чтобы затуманить истину, закрыть истину для взора людей. Разумеется, для этого выбирают такие аргументы, которые для людей, не имеющих воли входить в суть дела, оказываются очевидны на сентиментальном уровне.

Было бы желательно, чтобы, прежде всего, всё больше и больше людей поняли полное значение бессознательной и подсознательной неправдивости. Я часто высказывал: нельзя извинять себя тем, что тот или иной что-то сказал, а ты поверил. – Впрочем, я никогда не придерживаюсь той точки зрения, что многим из людей, которые говорят сегодня, нельзя верить. Я не хочу придерживаться этой точки зрения без чего-то дальнейшего, но дело не в этом. Эти вещи действуют в мире, и тот, кто нечто говорит, обязан придерживаться правды: одной веры тут недостаточно. Если кто-либо, – на что я указывал, – бессознательно или на подсознательном уровне что-то извращает, говоря, что хотел препятствовать войне, тогда как он иными средствами, нежели война хотел достичь того, чего он надеялся достичь, к чему он со всей интенсивностью стремился, – такая истина

ни гроша не стоит, несмотря на то, что внешне кажется истиной; она является чем-то более худшим, чем неправда. Необычно тяжкая карма человечества современности состоит в том, что человек не чувствует себя обязанным той действительной, реальной, живущей в фактах истине, правде; что сегодня в мире начинает править её противоположность, и, как кажется, должна будет завоёвывать в мире всё большую и большую власть. Внешние деяния всегда есть следствия того, что живёт в человечестве как мысль; внешние деяния являются следствием неправдивости, которая, возможно, выступает под видом правды, поскольку позволяет, как говорится, «доказать» себя, но лишь для поверхностности. То, что живёт в суждении человека, может на другом плане оказаться громом канонады и кровью. Тут существует связь. Но следствием отсюда является то, что мы должны всё больше и больше входить в фактическое, мы должны усвоить чувство, которое приведёт нас к тому, чтобы в правильном месте видеть вещи, которые действительно вносят ясность и раскрывают существенное.